

Национальный народный театр

На явления в области искусства, исключительные, покоряющие и необычные, трудно отзывать в привычных выражениях, традиционными фразами, готовыми формулировками.

Национальный народный театр Франции напомнил нам о том, какие гигантские силы воздействия заключены в искусстве театра, когда оно по-настоящему прогрессивно, когда руководитель и коллектив спаяны единой творческой верой и пониманием искусства.

На спектакле «Мария Тюдор» мы это видели и ощутили.

Огромное признание, которое этот театр получил во многих странах мира, и та любовь, которую он завоевывает у нашего зрителя, позволяют ему обойтись без лишней рецензии. Нам же, зрителям этого нового для нас явления в искусстве, прежде всего хочется сделать первые выводы о том значении, которое для нашего советского театра имеют эти гастроли.

Прежде всего бросается в глаза редкое и непривычное для нас соответствие названия театра его полноте и существу. Мы давно привыкли к тому, что имя театра — явление случайное, что оно ничего не выражает, что самый большой театр называется у нас Малым, что мы присваиваем другим театрам имена великих людей в почтенных государственных учреждениях вне прямой зависимости от них данных театров и, что чаще всего, мы называем театры общими терминами, применимыми и в любому другому театру.

Нет, в данном случае мы знаем и видим, что Национальный народный театр и национален по своим борням и традициям, и народен по своему отношению к зрителям и по своему творческому подходу к репертуару и его воплощению.

Когда драма Гюго, написанная в далеких от нас драматургических приемах, воспринимается нашим зрительным залом как волнующее актуальное произведение, мы снова убеждаемся, как велика сила режиссерской мысли, когда она ищет новые, современные выразительные средства, когда режиссер воспринимает классическое произведение современным взглядом.

Нередко наш взор к классике находил себе выражение в изобилии сценических подробностей, в воссоздании музейных атрибутов эпохи. Потрясающий лаконизм в сценическом оформлении постановок руководителя театра Жана Вилара, где обилие заменено точностью, где тончайшее использование светового луча заменяет эффекты, достигаемые обычно многими тоннами декораций, достоин нашего подробного изучения. Особенно важно в этом приеме то обстоятельство, что весь этот лаконизм возможен только при настоящей артистичности технического персонала, при творческом подходе осветителей, добивающихся огромного воздействия идеальной точностью работы.

В этом лаконизме оформления достигается полная фиксация внимания на актере, не спрятанном за бытовыми вещами, а представляющем перед зрителями в какой-то торжественной четкости и ясности.

Мне кажется, что такой подход, на первый взгляд технический и формальный, находится в глубокой связи с общей методикой актерского искусства этого театра, что, очищенный от бытового, натуралистического шелухи, актер одновременно освобождает и свое сценическое существование от тех мелочей, которые нередко мы считали признаками реализма, не распознав в них простейшего натурализма.

В Национальном народном театре — хорошая труппа. Несомненно, в ней и великолепные актеры. Об исполнении Марией Казарес роли Марии Тюдор талантливый критик, вероятно, смог бы написать объемистое увлекательное исследование.

Много самых восторженных отзвонков вызывает в зале и игра Моник Шометт, Жоржа Вильсона, Розе Мольена, Филиппа Нуаре. Хочется отметить одно общее свойство актерского исполнения, или, вернее, актерского понимания роли, присущее этому театру. В нем нет психологической стилизации.

В нашей практике подхода к классике, на первый взгляд, мы часто можем наблюдать следующее инте-

ресное явление: многие даже очень хорошие актеры при исполнении ролей классического репертуара вместе с историческим костюмом и гримомвольно или невольно усваивают и некую «историческую психику», историзм которой, впрочем, всегда весьма гадателен. В крайних, уродливых случаях это вызывает так называемую «ходульность», когда, якобы из желания угадать стиль автора, играя Шиллера, начинают завывать, потому что он романтик, в сценах из древнеегипетской жизни подражают в мизансценах египетским барельефам, русские бояре говорят нараспев и т. д. и т. д.

Привычка эта, очень распространенная, прививает декламацию вместо живой речи, красивые позы вместо осмысленного движения, но, что самое важное, она набрасывает особую вуаль музейной пыли на мозги живого актера.

В этом, конечно, нет и следа исторической правды, во имя которой все это иногда делается.

И самым ценным в спектакле «Мария Тюдор» мне кажется живое человеческая психология героев без всяких скидок на романтику, на Гюго, на условности театра прошлого века, на драму, на мелодраму, на классику. Мы видим перед собой исторические костюмы, но в эти костюмы одеты живые страстные люди, мысли и действия которых нам совершенно понятны.

Интересно заметить, что тот вид реализма, который исповедует этот театр, — реализма мысли при очищении от бытовых мелочей, как и всякое художественное направление, имеет свои условности. Так, например, очень радующей зрителей условностью этого театрального подхода является блестящая техника речи, великолепные голоса, четкая пластика движений, которые, находясь в полном противоречии с бытовым натурализмом, чрезвычайно облегчают и украшают восприятие спектакля.

Пленительное режиссерское искусство Жана Вилара, прогрессивное по самой своей основе, сложилось, видимо, на базе многих источников, в числе которых можно угадать и такие нити, которые связывают его с тем бурным периодом советского театра, когда смелые опыты в области театральной формы перекачивались через наши границы и подчинялись своему влиянию молодые театры Запада.

«Насколько я знаю работы наших великих предшественников, — пишет в своей статье Жан Вилар, — я полагаю, что на развитие сценического искусства оказали влияние две иностранные школы — немецкая школа и русская школа». Взаимные влияния, обмен достижениями, ознакомление и сравнение — в области всякого искусства — это величайшие стимулы роста и развития.

Блжрый пылливый художник, вне зависимости от величины собственного вклада в искусство, испытывает особое наслаждение, знакомясь с новым, невиданным еще искусством, и, если оно настоящее, жадно впитывает то свежее, то животворное, что он находит в этом общении.

Приезд к нам замечательного прогрессивного театра Франции — большое событие в жизни нашего советского театра и нашего советского зрителя. Восторженный прием, который оказан Национальному народному театру в Москве и в Ленинграде широко зрителем, знаменателен еще и потому, что он полностью разбивает отставшие представления некоторых критиков о вкусах советского зрителя, о его привязанности к тому бытовому натурализму, который часто выдавали за реализм, о том, что «широкий зритель не поймет условной театральной формы».

Мы можем пожалеть, что нам не удалось в этот приезд театра увидеть его работу над современной темой, но мы выражаем надежду, что наше знакомство с этим талантливым театром будет продолжено и мы сможем таким образом с интересом и благодарностью следить за его развитием.

Н. АКИМОВ,
народный артист РСФСР

На снимке: сцена из первого действия спектакля «Мария Тюдор». Артистка Мария Казарес в заглавной роли Фобано Фобани.